

АНДРЕЙ АНТОНЕВИЧ

СОРИНКИ

СБОРНИК

юмористических новелл

18+

Андрей Антонеvич

**Соринки. Сборник
юмористических новелл**

«Автор»

2018

Антоневич А. А.

Соринки. Сборник юмористических новелл / А. А. Антоневич —
«Автор», 2018

Сборник юмористических новелл о пороках современного общества с разными, но взаимосвязанными друг с другом сюжетами и героями, в которых кто-то узнает своего соседа, коллегу, друга или родственника. Однако, считая кого-то жадным, тупым и бездарным, следует помнить, что, замечая в чужом глазу "соринку", мы часто не замечаем свои недостатки.

© Антоневич А. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Неприятность	5
Корпоратив	9
Невеста	13
Благодать	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Антоневи́ч

Соринки. Сборник юмористических новелл

Неприятность

Алексей Удотов проснулся утром с нехорошим предчувствием...

Несмотря на ясное июньское солнышко, ощущение неотвратимой беды, а, возможно, и скоропостижной смерти неприятно давило на мозг и сердце. То, что это состояние вызвано чрезмерным возлиянием в организм спиртного, в результате случайной встречи на лестничной площадке с соседом, Алексей в расчет не брал. Он был твердо уверен, что сегодня геомагнитная буря из-за вспышек на солнце, поэтому ему немного мутно.

После того, как он влил в себя два стакана молока, ему немного полегчало, однако чувство неотвратимой беды его не покидало. Но чувство чувством, а на работу как-то нужно было добираться.

Первая неприятность его настигла на остановке общественного транспорта, когда в переполненную маршрутку перед ним втиснулась дородная женщина, заполонив своим телом оставшееся свободное пространство. Он попытался впихнуться за ней, однако оказалось, что симбиоз внушительной пятой точки женщины и его обвисший пресс не позволяют закрыть пассажирскую дверь.

После того, как его обложили матом и водитель, и женщина, Удотову пришлось выйти и в одиночестве дожидаться рейсового автобуса.

Пока Алексей размышлял о том, что если бы вчера они с соседом съели только одну бутылку вкусняшки, а не две, то можно было бы с утра рискнуть сесть за руль самому, на остановке появился подозрительный тип...

Долговязый мужчина с давно нестриженными рыжими волосами на голове и под носом, в спортивных штанах, туфлях и клетчатой хозяйственной сумкой в руке, не спеша выбрался из кустов сквера, располагавшегося на противоположной стороне дороги, и, быстро перебежав проезжую часть, занял выжидательную позицию возле Алексея.

Рыжий сначала смотрел грустными глазами на расписание движения, затем на галстук Удотова, а потом занялся личной гигиеной. Интеллигентно зажав одно ноздрю ладонью, он отрывисто сморкнулся, отправив в воздушное пространство желто-зеленый сгусток вязкой жидкости. То, что во время старта, по объективным причинам осталось висеть у него на ладони, подозрительный тип вытер сзади о свои засаленные волосы, убив двух зайцев сразу – и руку почистил, и растрепанные волосы приложил.

– Зачем, же я пил? Ладно еще бы перед выходным, а так среди недели... Во всем Лаканин виноват. Вечно ему мало, – думал в расстроенных чувствах Алексей, сдерживая приступ тошноты, после того, как он проследил за траекторией полета сопли Рыжего.

Наконец появился долгожданный автобус...

Рыжий зашел через заднюю, а Алексей через переднюю дверь. Ни тот, ни другой оплачивать проезд не собирались, сделав вид, что у них проездной.

Пассажиров было немного, но почти все сиденья были заняты. Оставались свободными только два места на спаренных, обращенных друг к другу, сиденьях предназначенных для детей и инвалидов.

Удотов, оценив свое физическое состояние, как болезнь, решил, что он имеет полное право приравнять себя к инвалиду и занял одно из свободных мест. По левую руку у него оказалась лет семнадцати от роду растрепанная темноволосая девушка, в помятом цветастом

платье, а наискосок молодая, до тридцати лет, женщина в строгом брючном костюме, с ярко накрашенными губами.

Пока Алексей рассматривал свежие ссадины на коленях, разговаривающей по мобильному телефону, брюнетки, на свободное напротив кресло, шлепнулся Рыжий, обдав на выдохе Удотова свежим плодово-ягодным перегаром, смешанным с миазмами загнивающей в кишечнике и на зубах пищей. Затем он повернул лицо к строгой женщине и приветливо ей улыбнулся. Та в ответ презрительно хмыкнула и демонстративно отвернулась к окну.

– А там потом приехал Вадик и Юра, – рассказывала что-то на весь салон девушка с подранными коленями: – а та овца психанула и домой пошла. Они втроем, а я одна... А что делать... Я же пива уже попила... Ну да... Я осталась... Нет, не со всеми сразу... По очереди... Ну какая разница, кто первый, а кто последний...

– Ни стыда, ни совести, – подумал про себя Алексей о девушке, уразумев, отчего у нее ссадины на коленях.

Строгая женщина отвлеклась от созерцания, происходящего за стеклом, и заинтересованно прислушалась к рассказу Бесстыжей.

– Ой, хорошо ночью отдохнула, только попа болит, – продолжала разговором со своим собеседником брюнетка. – Потому что за мной потом заехал Мишка на своей машине, и мы поехали на природу... Нет, я там нигде не падала... И не бил он меня... Я сегодня первый раз попробовала с ним в зад... Больно... Ему понравилось, а мне не очень... Еду в школу...

Глаза Рыжего похотливо засветились, и его усы расплзлись в плотоядной улыбке, обнажив во рту нестройный ряд гнилых пеньков

– Э...э...ге... – непроизвольно вырвалось из него, вместе с капнувшей ему на колени желтой слюной.

В это время автобус остановился на следующей остановке, и в салон набилось людей под завязку. После непродолжительной толкотни между новыми пассажирами, возле Удотова оказалась женщина бальзаковского возраста и молодой, гламурного вида, мужчина.

Алексей считал себя интеллигентным человеком, а это обязывало его уступить место женщине, но ехать стоя, да еще и в такой давке, ему очень не хотелось, поэтому он закрыл глаза и притворился спящим.

Рыжий себя интеллигентным человеком не считал, поэтому он равнодушно обвел взглядом спрессованных друг с другом людей и наклонился ближе к Бесстыжей, потому что она прикрыла ладонью рот, но разговаривать тише не стала.

– Я не знаю, кто мне больше нравится, – продолжала обсуждать насущные вопросы, видимо со своей подругой, девушка. – У Вадика он огромный, Юра может несколько раз подряд, а у Мишки есть деньги.

Строгая женщина скривила губы в презрительной улыбке и через свой гаджет углубилась в мониторинг социальных сетей.

Имитируя сон, Удотов внезапно почувствовал, что в брюках гламурного пассажира, упиравшегося своими причиндалами в его правое плечо, происходит пугающий процесс...

То, что пряталось за ширинкой, набухло и увеличилось в размерах...

Поначалу Алексей посчитал, что это реакция на рассказ о своих мытарствах в поисках парня Бесстыжей, но после того, как он заметил, что гламурный пассажир делает поступательные движения в его плечо не только на ухабах дороги, когда автобус подкидывало и качало в разные стороны, он занервничал.

– Сделать замечание или промолчать? – мучался вопросом про себя Удотов. – Может, вообще, в морду ему дать? – промелькнула у него шальная мысль, но после того, как он открыл слегка правый глаз и оценил мускулатуру гламурного пассажира, она сразу же исчезла в небытии.

– Мужчина, осторожней. Что вы меня толкаете, – отвлеклась от разговора по телефону Бесстыжая на Алексея, потому что толчки в его плечо со стороны Гламурного усилились.

– Извините, – не открывая глаз, ответил Удотов и сжался в комок.

Поглощенная мониторингом просторов глобальной сети, строгая женщина не обращала внимания на происходящее. Она отрешено смотрела в гаджет, а по ее лицу мелькали тени эмоций.

Гримасы удивления, зависти, любви и ненависть меняли друг друга поочередно...

– Где же остановка? – мучался Алексей, пытаюсь рассмотреть левым глазом пейзаж за окном. Его терпение было уже на исходе. Он хотел, уже было, уступить место женщине бальзаковского возраста, но он представил, что если гламурный пассажир такое вытворяет, когда он сидит, то, что будет, когда он встанет и окажется прижатым толпой к нему.

– «Интернациональная», – объявила автоматическая система оповещения, приближающий остановочный пункт, и Алексей, уже не таясь, облегчено выдохнул, открыв глаза.

Гламурный пассажир упирался в него с каменным лицом и делал вид, что ничего не происходит.

Пока Удотов размышлял, как ему лучше пробраться к выходу, из воспоминаний вернулась строгая женщина, при этом вернулась именно в тот момент, когда любовь еще не сменила ненависть. Она встала с кресла и выжидательно уставилась на Рыжего, который, не обращая внимания на то, что та собирается выходить, увлеченно вникал в суть телефонного разговора Бесстыжей.

Несколько секунд строгая женщина, не считая необходимым открыть рот и обозначить то, что ей необходимо покинуть салон автобуса, терпеливо ждала, что ее сосед сообразит и освободит ей проход, но тот ни как на нее не реагировал.

– Козел, – презрительно процедила она сквозь зубы и нанесла удар правым коленом Рыжему в висок.

– Ой, – успел отреагировать на удар бедолага и завалился на женщину бальзаковского возраста.

– Фу, – брезгливо дернулась та и инстинктивно отодвинулась в сторону, освободив тем самым проход строгой женщине, которая, высоко задрав ногу, переступила через Рыжего и, агрессивно работая локтями, растолкав школьников с рюкзаками, мигом добралась к выходу.

Медлить было нельзя...

Алексей слегка отодвинулся от Гламурного в сторону, а затем резко встал, ударив того «изнасилованным» плечом между ног.

Гламурный громко охнул и согнулся пополам.

– Извращенец поганый, – кинул ему Удотов и поспешил на выход за строгой женщиной, которая к этому времени выталкивала из остановившегося автобуса, зазевавшегося на выходе старика.

– Молодой человек, – остановила Алексея сгорбленная старушка, когда он выскочил из автобуса и полной грудью вдохнул в себя, переполненный углекислым газом, воздух: – помогите бабушке подняться.

– Конечно, конечно, – оправив галстук и пиджак, вспомнил про то, что он интеллигент, Удотов.

Он взял старушку под локоток и, как только она стала на ступеньку, с силой впихнул ее между крайними пассажирами, которые оказались более ловкие и первыми запрыгнули в автобус.

– Одни неприятности, – думал про себя Алексей, двигаясь в сторону своего офиса. – Никогда больше пить не буду... Тем более с соседом... Посреди недели точно...

Через десять минут сгорбленная старушка, которой Удотов помог попасть в автобус, стояла за остановкой и увлеченно потрошила его портмоне.

– Нищета, – презрительно сплюнула на землю, недавно освободившаяся карманница по кличке Танька Криворучка, и, отправив в мусорное ведро пустое портмоне и мобильный телефон Удотова, замахала руками, приближающейся к остановке маршрутке.

– С утра одни неприятности. Ни одного нормального «гуся» не попалось, – думала та, оценивая материальное положение, прижатых друг к другу, как шпроты в банке, пассажиров маршрутного такси.

Корпоратив

Игорь Викторович Лаканин с самого утра решал очень сложный вопрос – с кем рядом сесть за столом на предстоящем новогоднем корпоративе.

Изначально, когда о вечеринке объявили всему номенклатурному составу еще за месяц до «Нового года» и огласили, что она будет для ее участников бесплатной, Игорь Викторович даже не задумывался над выбором места за столом. Однако когда представители профсоюза заявили, что всем тем, кто записался на праздник необходимо оплатить половину суммы от обязательного заказа, Лаканин попробовал отказаться, но ему, как и многим другим, пригрозили лишением премиальных доплат, чуть ли не до следующего года.

Узнав сумму, которую ему предстояло оплатить за удовольствие посетить весьма сомнительный караоке-бар под названием «Горлопан», Игорь Викторович сильно расстроился. Еще больше он расстроился, когда подсчитал в уме, сколько бы он смог устроить таких вечеринок у себя дома с участием своего соседа Алешки Удотова, которого у них во дворе все знатоки спиртных напитков называли Водяным. Звали его так за то, что тот имел слабую печень, барахлящие почки и небольшой мочевого пузырь. Пьянел он быстро, но вливал в себя алкоголь до тех пор, пока не падал без сознания под стол и не обмачивался с ног до головы, как малое дите.

Деваться было некуда, но Игорь Викторович до последнего не сдавал деньги, потому что надеялся на то, что резко заболеет или на город упадет метеорит, или начнется война, или, на крайний случай, он умрет. Однако ничего не произошло и после угроз секретарши Аллы Николаевны Сосиной, а по совместительству еще и любовницы генерального директора их секретного оборонного завода, Лаканину пришлось проститься со своими кровными.

Теперь он прогнозировал возможный ход событий и пытался просчитать варианты раскладки своих коллег так, чтобы заплаченные им деньги не пропали впустую.

– С Хитреевым садиться рядом не буду, – размышлял Лаканин. – Все время хватает бутылку и всем наливает до краев. У него рука тяжелая... Всем льет по полной, а себе четвертинку. Потом, когда все нажрется, сидит трезвый, всех фотографирует на телефон и ехидно смеется.

– Маргушов, тоже не самый лучший вариант, – перебирал в уме Игорь Викторович.

Инженер по безопасности труда Степан Маргушов имел одну не очень хорошую особенность организма – как только алкоголь у него всасывался в кровь, он начинал громко орать и смеяться так, что его слюна летела не только на закуски, но и на закусывающих. Учитывая то, что Степан по причине своей хозяйственности не закусывал, а прятал еду в специально припасенные пакетики, то начинал орать он после пятой рюмки и делал это до тех пор, пока его не уводила жена. Она же его уводила только тогда, когда наполняла до отказа пакетиками свою сумку. Поэтому она всегда терпеливо ждала, когда через стол пройдут все блюда указанные в меню.

– Обязательно нужно сесть подальше от Гошкевича, – вспомнил Игорь Викторович.

Гошкевич был инспектором по кадрам и профессиональным лгуном. Он имел в запасе истории на все случаи жизни. При этом без зазрения совести придумывал их прямо на ходу. Любая тема разговора была для него поводом вмешаться и рассказать свой случай из жизни, в котором обязательно принимал участие его или брат, или сват, или кум.

Однажды ребята с их цеха попытались подсчитать, сколько у него братьев, сватов и кумовьев и вышло так, что Гошкевич оказался внуком какого-то шейха с очень большим гаремом.

Принявшего на грудь Гошкевича, заткнуть было практически уже невозможно. Его истории становились более красочными и неправдоподобными. Убедительно выкатывая глаза, в перерывах между тостами, он перебивал всякого, кто сидел напротив или возле него и имел неосторожность начать что-то рассказывать. Когда он видел, что на него никто не обращает

внимания, инспектор по кадрам поднимался со стула и отправлялся вдоль стола, чтобы найти свободные уши. В это время жена Гошкевича, которая была на две головы выше его, скучала и загадочно подмигивала холостым мужчинам.

– Казмерчик тоже не вариант, – прогнозировал Игорь Викторович. – Напьется, как свинья, и будет потом ходить, размахивая вилок и крича, что он потомок польских шляхтичей и всех «москалей» к ногтю прижмет.

– И самое главное – надо сесть подальше от Гудковского, – отметил про себя важный аспект Лаканин. – А то напьюсь еще раньше времени.

Андрей Моисеевич Гудковский, заведующий складом готовой продукции, имел корни откуда-то из «Земли обетованной». Поэтому он очень трепетно относился к финансам. Если ему приходилось платить за угощение, то он считал своим долгом влить и впихнуть в себя продуктов не только на затраченную сумму, но и по возможности сверх нее.

На последнем корпоративе, за который, кстати, платить было не надо, потому что тогда держатель «черной» кассы профсоюза Иван Аркадьевич Аферин еще не раскодировался, Лаканин имел неосторожность зазеваться и в общей толкотне упустить возможность занять выгодное место возле стола руководства завода, с которого потом можно было доесть какой-нибудь деликатес. В итоге он попал на стул рядом с Андреем Моисеевичем...

За несколько минут очистив их стол от холодных закусок и салатов, Гудковский уже просил передать ему тарелки с нарезкой у соседей. В ожидании горячего, Андрей Моисеевич методично закидывал в свою «мясорубку» все, что оставалось на столе, за исключением хлеба, и нетерпеливо постреливал глазами по сторонам. Во время танцев, проведя ревизию по столам и убедившись, что ничего такого, что бы он не попробовал, не осталось, Гудковский подобрался к директорскому столу и под шумок увел остатки краба...

В итоге, в тот раз Игорь Викторович пришел домой не только пьяный, но и голодный.

– Хорошо, что у меня жены нет, а то пришлось бы и за нее еще платить, – разработав тактику и план действий при рассадке за столами, довольно радовался Лаканин и уже решал другой вопрос – какой одеть галстук...

Через два часа, после того как дали отмашку, Игорь Викторович, активно расталкивая коллег локтями, стремился попасть на места расположенные поближе к руководству, однако более молодые и активные лизоблюды не дремали и обставили его в два счета. В итоге, после короткой перебранки с представителями планового отдела, Лаканин, исполнив несколько акробатических этюдов в виде прыжков через стулья, пролез на противоположную сторону под составленными буквой «П» столами и оказался между молоденькой бухгалтершей Викой Окрысиной и начальником смены охраны завода флегматичным Виталием Ивановичем Побочко.

Решив, что он выбрал себе отличное место, Игорь Викторович уже было расслабился, однако уже через несколько минут, когда в зале появился припозднившийся Гудковский, снова напрягся. К этому времени свободными оставались только два места – одно с самого края на левом фланге при выходе к гардеробу, а второе напротив него.

Лаканин закрыл глаза и про себя прочитал несколько молитв, которые только смог вспомнить, но его никто не услышал и когда он разомкнул веки... Андрей Моисеевич уже сидел напротив него, жадно рассматривая стол.

Решив, что лучше раньше, чем никогда, Игорь Викторович схватил вилку и, не дождав-шись официального начала мероприятия, принялся накладывать себе в тарелку разную нарезку и салаты.

Андрей Моисеевич оценил не только сообразительность Игоря Викторовича, но и сто-имость, находившихся на столе, салатов. Поэтому он демонстративно облизал свою ложку и, несколько раз нутужно кашлянув, перемешал ей салат из кальмаров с креветками, обозначив тем самым, что это кушанье теперь в пищу другим не пригодно.

Лаканин поспешил захватить несколько ложек других салатов, потому что прекрасно знал, что, в ближайшее время, и они исчезнут в «жерновах» Гудковского.

Вика Окрысина присутствовала на корпоративе первый раз и, не понимая в чем дело, нетерпеливо вертела головой по сторонам, в ожидании развлекательной программы. Виталий Иванович Побочко безразлично взирал на раздел провизии и с интересом разглядывал этикетки бутылок с крепким алкоголем.

Наконец руководство завода расселось по своим местам, и корпоратив начался...

Первые пять тостов прошли, как обычно в штатном режиме. Все начиналось чинно и интеллигентно. Слушали витиеватые тосты, скромно звенели рюмками и столовыми приборами, степенно разговаривали.

Потом подали горячее...

Вернее холодное...

Отвратительно приготовленное подгнившее мясо, не смотря на то, что было обильно сдобрено черным перцем и, почему-то, анисом, напоминало по вкусу рыхлые полусырые шампиньоны, которыми и было сверху накрыто.

Андрей Моисеевич по запаху определил, что это блюдо не достойно его внимания и, пока не поздно, принялся за оставшиеся салаты.

– А когда же будет развлекательная программа? – переживала Вика.

Виталий Иванович Побочко не ответил, а лишь деловито налил себе водки в рюмку и выпил, а Игорь Викторович с набитым ртом ответить не мог, потому что участвовал в неофициальном конкурсе на пару с Гудковским – кто больше успеет съесть «Оливье».

Как выяснилось, отдельная развлекательная программа предусмотрена не была. Именно поэтому корпоратив и был организован в караоке-баре.

После того, как во время своего уже третьего тоста генеральный директор стал кричать, что скоро, благодаря секретным разработкам их завода, враги познают «Радость» и его сразу же увели два специальных человека в черных костюмах с загадочными лицами, не числившихся в штате завода, официальная часть вечеринки закончилась...

Песенный конкурс открыл Побочко, который считал, что чем громче, тем лучше...

Обычно молчаливый Виталий Иванович, успел прогорлопанить всего несколько куплетов старой душевной песни, пока слегка поношенная молодая бэк-вокалистка бара не выдержала его отвратительного воя и не забрала у него микрофон.

С этого момента начались танцы...

Через полчаса хаотичного опрокидывания содержимого стаканов вовнутрь своего организма, Игорь Викторович сидел возле Маргушова и периодически вытирал правое ухо, потому что тот ему жаловался на отвратительную кухню бара. В это время его жена ходила с пакетиками и собирала в них то, что не успел умолотить Гудковский.

Сам же Гудковский в это время крутился в танце возле, оставшейся без своего покровителя, Аллы Николаевны и недвусмысленно намекал ей жестами, что не прочь «узнать ее поближе»...

Еще через полчаса Лаканин попал на глаза Гошкевичу и, погорячившись, с ним выпил...

Через двадцать минут, отбившись от Гошкевича, с распухшей головой от его рассказов, Игорь Викторович танцевал медленный танец с Викторией Окрысиной, в ходе которого приглашал ее посетить его скромное жилище. Однако та отказалась, сославшись на то, что у нее скоро свадьба...

Еще через полчаса все, кто был еще на ногах, с остервенением били этими ногами Казмерчика, потому что он, вместо того, что бы петь, начал кричать в микрофон, что скоро поляки всем им покажут...

Последнее, что осталось в памяти у Игоря Викторовича, это то, как он пытался попасть в заспанный до безобразия туалет бара, но там было занято, потому что Андрей Моисеевич,

воспользовавшись тем, что Алла Николаевна Сосина, находясь в подпитии, уже не могла контролировать желания своего организма, «знакомился с ней поближе». Поэтому он пошел на улицу, а у двери туалета остался с телефоном в руках, злорадно хихикающий, Хитреев.

Утром, к своему облегчению, Лаканин проснулся не в подъезде, а у себя в квартире. Куртки, а вместе с ней и портмоне, почему-то не было. Надеясь на то, что он забыл одежду в баре, Игорь Викторович пришел к мысли, что было бы неплохо похмелиться.

– В жизни больше не пойду на корпоратив, – твердо решил про себя Лаканин и пошел за своим соседом.

Вечером, когда Водяной уже лежал у него под столом в привычной для себя «среде обитания», пьяненький Игорь Викторович обзванивал своих коллег женского пола и приглашал их себе домой на корпоратив...

Невеста

У Вики сегодня был особенный день, потому что следующим утром ей предстояло бракосочетаться с Михаилом Кармановым – начинающим, но весьма перспективным, со слов ее отца, бизнесменом.

Высокая угловатая девочка двадцати семи лет отроду рассматривала свою голую грудь в зеркале и размышляла о том, почему она столько лет потратила в бесплодных поисках своего счастья...

К слову, искать счастье она начала с четырнадцати лет. В итоге, в пятнадцать Вика забеременела. Благодаря тому, что ее отец к тому времени был еще высокопоставленным медицинским чиновником в их городе, аборт ей сделали без официальной огласки. Дабы исключить подобных инцидентов в дальнейшем, папа договорился, чтобы ей установили спираль. С тех пор, благо город был немаленький, она искала своего мужа долго и упорно...

Сначала она подбирала себе мужа такого, чтобы он был красивый и богатый...

Затем просто красивый...

Затем просто богатый...

Затем просто хоть кто-нибудь...

Затем просто...

По причине того, что красотой и умом она совсем не блистала, на улицу ходила без трусов и любила эпатировать людей придурковатыми выходками, в постели была холодна и безынициативна, что пыталась прикрыть отвратительной актерской игрой, мужчины ей брезговали и после первого секса больше на связь с ней не выходили.

Так продолжалось до тех пор, пока у них в городе не появился Карманов Миша, который сразу же развил бурную деятельность и принялся втираться в доверие к богатым людям. Набрав изрядную сумму в долг, Михаил всю ее промотал в подпольном казино. Когда его периодически начали бить, требуя вернуть долги, Карманов пришел к единственно правильному решению – жениться на богатой невесте.

Этой невестой оказалась Вика, отец которой в свою бытность прилично нахапал...

Она радовалась своему счастью, что наконец-то она хоть кому-то понадобилась, и закрывала глаза на то, что ее жених при виде ее немного кривится и всегда слегка подшофе.

– Викуля, – прервала ее воспоминания мать, – зайди ко мне в комнату.

Невеста спрятала грудь под «маленькое черное платье» и поспешила на третий этаж их особняка, где располагалась комната матери.

Анна Павловна была когда-то очень красивой женщиной, однако в последние двадцать лет, с тех пор, как она познала сытую жизнь, значительно сдала и теперь мучалась от сахарного диабета. В молодости она была весьма любвеобильна и, даже выйдя замуж, не изменяла своей привычке – отдаваться первому встречному, что и передала на генном уровне своей дочери.

– Слушай меня внимательно, – наставляла ее мать. – Я прожила с твоим отцом двадцать семь лет и ни разу с ним не была счастлива. Если бы я не забеременела от него, то и вряд ли с ним связала свою жизнь. Тогда, когда я его встретила в первый раз на осмотре у своего гинеколога, он был безграмотным интерном. Это потом, когда твоя бабушка подключила свои старые связи, и он пошел вверх по административной лестнице, он стал из себя что-то представлять. Теперь, когда он никому не нужен, я не сдаю его в Дом инвалидов только потому, что мне его жалко и за это время я к нему уже привыкла.

– Мама, как же ты его туда отправишь? А как же бизнес?

– Все активы и имущество на мне и на нашей бабушке еще с тех пор, пока он был у «кормушки». Поэтому своему женишку об этом не говори. Пускай обхаживает старого дурака в надежде, что тот ему даст денег, – потирая опухшие руки, хитро улыбалась Анна Павловна.

– Он меня любит! – возмутилась дочь.

– Знаю я таких любовников... Из-за одного такого я больше не могу иметь детей... Ты у меня единственная, поэтому слушай внимательно, – преодолевая отдышку, продолжила мать. – Вижу я, что ты его не любишь, но времени у тебя уже мало. К сожалению, вобрала ты в себя черты отца, отчего желающих на тебе жениться, больше нет. Этот прохиндей не лучшая пара для тебя, но других вариантов уже не будет. Живи с ним... Заимей детей... Жрать ему не готовь... Его капризам не потакай, иначе сядет тебе на шею и будет тобой пользоваться. Держи его в узде, а если начнет бузить, перекрывай ему финансирование, тогда он будет у тебя как шелковый.

– Вика, ты где? – послышался с первого этажа голос ее отца.

– О, проснулся, – сплюнула на пол Анна Павловна: – сейчас начнется. Иди, а то опять от злости слюной изойдешься.

– Вика, стерва, где ты? – орал на весь особняк Олег Семенович Окрысин. – Вырастил на свою голову. Неблагодарная.

Невеста стремглав бросилась вниз.

Олег Семенович, сидя в инвалидном кресле, с покрасневшим от злости лицом, сучил обрубленными выше колен ногами и раскатывал по огромному холлу их дома.

– Что, папочка? – бросилась к нему Вика и поцеловала в лоб.

– Я хочу с тобой поговорить, – сразу же спустив пар, оттаял папа.

С тех пор, как он лишился ног, им стали пренебрегать все...

Многочисленные друзья и товарищи пропали, как будто их никогда у него и не было. Две, уже бывшие, молоденькие содержанки перестали его привечать. Бывшие коллеги не отвечали ни на звонки, ни на его электронные письма. Жена перестала с ним разговаривать. Теща делала вид, что его не замечает и даже их гувернантка Лидия, в обязанности которой входил уход за ним, периодически била его по лысине, когда у него не получалось самому сходить в туалет. Только дочка еще с ним общалась и делала то, что он ей говорил.

– Конечно, папочка, – потупила взор дочка.

– Завтра ты выйдешь замуж. И я не хочу, чтобы ты повторила ошибки своей матери.

– О чем ты, папа?

– Жили мы с ней плохо. Женился я на ней по залету и еще несколько лет после твоего рождения сомневался моя ли ты дочь...

– Что? – грубым голосом перебила отца Вика и схватила его за ворот рубашки руками, слегка приподняв Олега Семеновича от коляски.

– Всякое в жизни бывает, – оторвав от себя руки доченьки, продолжил папа. – Поэтому я тебя и хочу предупредить, чтобы ты не виляла «хвостом», как твоя бестолковая мамаша. Я уже стар и хочу увидеть внуков. Поэтому люби своего мужа, готовь ему еду, будь ласкова с ним в постели и выполняй все его фантазии...

– Папа...

– Не перебивай меня. Будешь его кормить и ублажать в кровати – будет у вас все хорошо. Я, все для того, чтобы у тебя все было, в свое время сделал. Миша хороший и грамотный парень. Уважай его и будь с ним мила. Тогда он будет тебе хорошим мужем, и не будет ходить «налево».

– Папа...

– Я жизнь прожил... Я знаю, – сложив на брюшке руки в замок, важно продолжил Олег Семенович. – Если бы твоя мать не шлялась по дешевым барам и не давала каждому ободранному кобелю нюхать свой зад, я бы тоже не обращал внимания на других женщин.

– Ах ты, потаскун проклятый! – раздался рядом голос, подслушивающей Анны Павловны.

Она выскочила из-за лестницы и с остервенением принялась шлепать ему голому затылку руками.

– То есть, если я тебе отказывалась делать минет, ты шел к потаскухам? – кричала мама.

– Ты его делала всем кроме меня! – взвился с коляски папа.

– Шлеп, шлеп, – звенела лысина Олега Семеновича.

– Да если бы не я, – продолжала кричать Анна Павловна: – ты был бы никто.

– А если бы не я, ты сейчас бы жила в нищете вместе со своей мамой, – отбивался от нее папа.

Дальше Вика слушать не стала и поспешила на выход. Она уже опаздывала на девичник.

– Виктория Олеговна, немедленно подойди ко мне. Мне нужно наставить тебя на путь истинный, – окрикнула ее бабушка, когда она бежала через сад к калитке.

Слегка свихнувшаяся на вере Гертруда Видленовна, вылезла из когда-то бывшей собачей будки, а теперь аскетической кельи на время великого поста, и бросилась вдогонку за внучкой.

Обнаружив за собой погоню, Вика сделала вид, что не слышит бабушку и, на ходу обтягивая на заднем месте «маленькое черное платье», ускорила шаг, через несколько мгновений скрывшись за высоким бетонным забором.

– Не поддавайся бесам, – кричала ей вдогонку Гертруда Видленовна, осознав, что ей с ее артритом внучку уже не догнать.

Этим вечером Миша Карманов, предварительно продав золотую печатку с бриллиантом, подаренную ему будущим тестем, веселился на природе со своими собутыльниками и дешевыми проститутками.

– Скоро, очень скоро этот город будет моим, – кричал в пьяном угаре Миша, засовывая мятые купюры проституткам в трусы.

Сама же Вика, в отличие от проституток, трусы, как обычно, не одевала. Во время девичника со своими, якобы, подругами в караоке-баре «Горлопан», она всю танцевала и изящно изгибалась, демонстрируя всем присутствующим, что у нее под «маленьким черным платьем».

Поздно ночью, когда бар уже закрылся, невеста, пренебрегая мерами предосторожности, бездумно отдалась во внутреннем дворике вертепа на мусорном контейнере официанту Никите, который знал о том, что он ВИЧ-инфицирован, но об этом всегда молчал...

– Я так счастлива, – думала про себя невеста, лежа в груде мусора, когда Никита, сделав «дело», по-джентельменски оставил ее одну...

Благодать

Гертруда Видленовна после «перестройки», когда ее спрашивали о ее происхождении, отвечала, что у нее в роду скандинавские корни. В «лихие девяностые» конца двадцатого века было уже не модно иметь имя производное от словосочетания «Герой труда», которое ей при рождении дал ее отец, получивший в свою очередь имя производное от: «Великие идеи Ленина».

Это до сорока лет помогало ей продвигаться по партийной лестнице, благодаря чему, ну и заслугам ее покойного отца, она имела неплохую должность в местном исполнительном комитете.

В девяностые она чудом попала в налоговую, где без зазрения совести, поправ заветы Ильича, гармонично интегрировалась с криминалом.

Со временем, когда силовики постепенно заменили организованные преступные группы, она из-за своей спеси была отодвинута от «золотой жилы», не доработав до необходимого для получения пенсии возраста.

Она попыталась всунуться в бизнес, однако, после того как у нее однажды в темную зимнюю ночь сгорело несколько торговых киосков в разных частях города одновременно, а правоохранители дали заключение о том, что причиной возгорания послужила шаровая молния, Гертруда Видленовна от этой затеи отказалась.

Не зная чем себя занять, она примкнула к одной очень популярной у них в городе закрытой секте. Благо, ее зять к этому времени имел неплохой «левый» доход и она без проблем внесла необходимые взносы. Она бы их вносила и дальше, пока, не обеспокоившийся сохранностью своего имущества, зять не отправил ее на лечение от наркотической зависимости.

Через год, когда Гертруда Видленовна покинула клинику, а секта уже перестала существовать, она обнаружила, что стала местной знаменитостей – видеоролик в социальных сетях с ее участием в очищающем соитии со всеми мужчинами секты, побил все рекорды по просмотрам среди любителей «клубнички».

С тех пор она, как смогла, изменила внешность и обратилась к Богу. Причем так истово, что зять иногда жалел, что в свое время вытащил ее из секты – денег исчезать меньше не стало, а вот причуд у нее появилось больше.

В этом году она на время «Великого поста» решила, что одного воздержания от пищи ей будет недостаточно, чтобы получить благодать, поэтому она выгнала из конуры их волкодава Тимошу и обустроила в ней себе келью. К слову, конура была с подогревом пола и по размерам не уступала комнатам в общежитии местного оборонного завода.

Наконец, наступило время освещения пасхальных куличей и яиц...

Прихватив с собой свою тросточку из слоновьей кости и корзинку с провизией, на которую сойдет благодать, радостная Гертруда Видленовна спешила с утра в церковь. Ее немного расстраивал тот факт, что она по причине болезни ног не могла отстоять всю утреннюю службу, а также то, что ее внучка, которая уже несколько дней жила с мужем в отдельном коттедже, записанном на ее имя, отказалась идти с ней в церковь, но все-таки ее рапирала радость.

Радовалась и ее дочь, потому что на время мать перестанет у нее клянчить на нужды церкви деньги.

Радовался и ее зять, потому что она хоть и временно, но избавила его от попыток «вернуться лицом к Богу».

Радовалась и их гувернантка Лидия, потому что она уже устала придумывать для нее каждый день новые скромные блюда.

Но особенно радовался волкодав Тимоша – теперь он мог вернуться в свою конуру.

Достигнув ограды церкви, Гертруда Видленовна застыла в нерешительности...

Еще летом прошлого года отец Никодим затеял поменять трубы канализации, ведущие к подсобным помещениям, расположенным на территории церкви. В результате, двор перекопали, но трубы почему-то до сих пор не поменяли. В итоге, свободного пространства для столов оказалось ничтожно мало, хотя желающих осветить пищу было больше чем достаточно. Большая часть людей стояла хаотичной, волнующейся толпой на газонах за оградой церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.